

Шэнь Сичжоу заметно застыл на месте, его прямая спина выдавала напряжение. Он чувствовал себя крайне неестественно и растерянно, даже не успев обдумать, как Хэ Цюянь пришел к столь необычному выводу из подобного состояния.

Будь у него хоть капля здравого смысла и ясности ума, он мог бы спокойно отвергнуть подобные «заблуждения» Хэ Цюяня или даже перейти в контратаку: «С чего это боссу Хэ так думать? Неужели...»

Но в конце концов он ничего не сказал, лишь спешно взял себя в руки. Больше всего на свете ему сейчас требовалось сохранить видимость приличия, на остальное уже не оставалось ни сил, ни времени.

Он мягко улыбнулся и невозмутимо спросил:

— Мы зайдем внутрь?

Хэ Цюянь глухо угукнул, а затем окликнул:

— Шэнь Сичжоу.

Шэнь Сичжоу повернулся к нему, чуть согнув уголки глаз:

— Что такое?

Хэ Цюянь покачал головой и под его долгим взглядом словно бы сдался:

— Ничего, пошли.

Шэнь Сичжоу держался слишком неестественно. Он изо всех сил пытался выглядеть непринужденно, из-за чего эта неестественность бросалась в глаза сильнее всего.

Хэ Цюянь неотступно следовал за ним в шаге позади, их плечи соприкасались при движении.

Пройдя еще несколько шагов, Шэнь Сичжоу остановился.

Он поднял голову и посмотрел далеко вперед.

Под лучами солнца издалека возвышался огромный золотистый молитвенный барабан. Время от времени над ним кружились птицы и тут же улетали, не оставляя и следа. Храм с позолоченной крышей тихо примостился посреди горных вершин, купаясь в лучах солнца.

Все вокруг погрузилось в тишину, контуры гор расплылись, небо и земля словно поменялись местами.

Шэнь Сичжоу слышал только собственный стук сердца. Нет, казалось, это было вовсе не его сердце — его собственное уже давно затаилось и слишком долго безмолвствовало, оно не могло стучать так громко.

Он обернулся: Хэ Цюянь стоял позади него. Небо и земля расплывались перед глазами, но Хэ Цюянь оставался четким.

Солнечный свет озарял его щеку, и тонкий пушок на коже отливал золотом.

Хэ Цюянь шагнул навстречу, оказавшись на просторе и свободе, и снова окликнул:

— Шэнь Сичжоу.

Шэнь Сичжоу моргнул и очень медленно отозвался:

— Я здесь.

Затем все вокруг вернулось на свои места: заиграло красками, завыл ветер, и только стук сердца затих.

Шэнь Сичжоу снова поднял голову, глядя на храм, казалось, вросший в самую ткань неба и земли. Красноватые деревянные стены украшали золотые узоры, и высеченные на них божества свысока взирали на суету мирского дна.

Шэнь Сичжоу не мог разобрать — было ли в этом взгляде милосердие или равнодушие?

Долгое время спустя он с трудом выдавил:

— Где... это мы?

Хэ Цюянь шагнул вперед, сравнявшись с ним плечом к плечу:

— Древний город Дукэцзун. Мэй До и другие называют его еще Городом Лунного Света.

— Поднимаемся, — добавил он.

Шэнь Сичжоу тихо бросил «хорошо» и вдруг с любопытством спросил:

— Ты бывал здесь раньше?

Хэ Цюянь надолго умолк — случай для него редкий.

Они поднимались по ступенькам вместе, шаг за шагом двигаясь очень медленно — так

медленно, будто эта дорога тянулась бесконечно.

Хотя на самом деле здесь было всего чуть больше ста семидесяти ступеней.

Ступив на тридцать третью ступень, Хэ Цюянь произнес:

— Не бывал.

Шэнь Сичжоу слегка удивился.

Продолжать расспросы он не стал, да и Хэ Цюянь, судя по всему, вовсе не собирался вдаваться в подробности, потому что тут же задал встречный вопрос:

— Тебе больше не больно?

Шэнь Сичжоу покачал головой, ответил «нет», а затем добавил:

— Спасибо.

Сделав еще несколько шагов, он снова поднял голову, и когда это повторилось в пятый раз, Хэ Цюянь заинтересовался:

— На что ты смотришь?

— Не знаю. — Произнеся это, Шэнь Сичжоу подумал, что его ответ легко принять за отговорку, но говорил он чистую правду. Он поджал губы и уже гораздо искреннее повторил: — Правда, не знаю.

Спустя несколько минут Шэнь Сичжоу неожиданно скосил на него взгляд:

— Разве ты... не собирался... совершить паломничество?

Хэ Цюянь в ответ переспросил:

— Разве мы сейчас этим не занимаемся?

Шэнь Сичжоу опешил и недоумевающе уставился на него:

— Разве так это делается?

По дороге сюда они прошли мимо Зала Конфуция, миновали статую Шакьямуни, обошли стороной Дзакиламу.

Он не останавливался, и Хэ Цюянь тоже.

Боясь помешать чужим важным делам, Шэнь Сичжоу напомнил:

— Поклонение Будде... наверное, подразумевает... поклоны?

Он был далек от подобных дел и совсем ничего в них не понимал, поэтому говорил запинаясь.

Хэ Цюянь, однако, не сбавил шага, лишь бросил:

— Идем дальше.

Спорить Шэнь Сичжоу не стал. Они уже поднялись на вершину лестницы и теперь смотрели сверху на раскинувшийся у ног древний город — гигантские масштабы мгновенно превратились во что-то крошечное.

Он зачарованно глядел на птиц, пролетающих вдаль, на колышущиеся от ветра ветви деревьев и на стоявший неподалеку молитвенный барабан.

Голос Хэ Цюяня прозвучал тихо, словно дуновение ветерка:

— О чем думаешь?

Шэнь Сичжоу опустил ресницы, и Хэ Цюянь тоже перевел взгляд на него.

У Шэнь Сичжоу были длинные и темные ресницы; когда они опускались, прочесть выражение его лица становилось невозможно.

Легкий ветерок нежно касался его волос, солнечные лучи ласково падали к ногам. Хэ Цюянь в профиль разглядывал прямой нос Шэнь Сичжоу, поджатые губы, плавную линию округлого подбородка. Весь его облик казался таким хрупким и одиноким — поистине воплощение полной незащитности.

Шэнь Сичжоу вздохнул, слегка качнул ногой над последней ступенью и с непринужденной, почти детской улыбкой произвел:

— Я думаю, если упасть отсюда, будет больно?

Хэ Цюянь на мгновение замер, но тут же отозвался:

— Наверное, все-таки больно. Разве может быть не больно?

Шэнь Сичжоу улыбнулся. Эта его искренняя улыбка не имела ничего общего с натянутой: пусть всего лишь легкое движение губ, но она словно стирала окружающий серый мрачный налет, добавляя чуточку света.

В его голосе зазвучало озорство, он моргнул и произвел:

— Разве нас не защищают боги и Будда? Почему же должно быть больно? Это же место ближе всего к небесам.

Его рассуждения звучали до того естественно, что Хэ Цюянь даже растерялся и в конце концов рассмеялся.

Отсмеявшись, он, будто что-то вспомнив, легко коснулся плечом плеча Шэнь Сичжоу. Тот испуганно отшатнулся в сторону, глядя на него с недоумением и вежливой отчужденностью.

— Наверное, все-таки больно, — снова повторил Хэ Цюянь. — Боги и Будда... защищают лишь души. — Закончив, он молча и очень серьезно посмотрел на Шэнь Сичжоу: — Если ты так боишься боли, лучше не пробуй.

Шэнь Сичжоу всмотрелся в серьезное лицо Хэ Цюяня, покачал головой с легкой улыбкой и произвел:

— Мм, я понял.

Хэ Цюянь спросил:

— Хочешь покрутить молитвенный барабан? Говорят, это отводит беды и приносит благословение.

— Говорят... — усмехнулся Шэнь Сичжоу. — Выходит, ты и впрямь здесь впервые.

Хэ Цюянь тихо ответил:

— Ну да, почему же люди никому не верят?

— Я думал... — Шэнь Сичжоу не слишком хотел продолжать, но в царившей между ними атмосферах неловкая пауза выглядела бы неловко, поэтому он, пересилив себя, подобрал слова: — Я думал, ты часто бываешь здесь с молитвами.

— Нет. — Хэ Цюянь улыбнулся — горько и глухо. Голос его звучал так тихо, что слова тут же уносило ветром: — Я... кажется, не очень-то смею.

Шэнь Сичжоу заметно растерялся.

К счастью, за это короткое мгновение прорвавшаяся наружу печаль Хэ Цюяня успела спрятаться обратно. Сунув руки в карманы и вернув себе прежнюю непринужденность и беспечность, он кивнул в сторону молитвенного барабана и спросил, склонив голову:

— Пойдем покрутим?

— Нет, — отказался Шэнь Сичжоу и только потом сообразил спросить: — А ты сам пойдешь?

Хэ Цюянь оставил его вопрос без ответа, лишь произнес:

— Почему? Можно же помолиться за семью. — И, помолчав, добавил: — Раз уж пришли.

Шэнь Сичжоу снова посмотрел на этот огромный молитвенный барабан, что безмолвно очищал бренный мир от суеты. В ушах звучало пение буддийских мантр. Вокруг было столько тяжелой, давящей энергетики, что у него внезапно перехватило дыхание, и он тихо ответил:

— Не стоит.

— Я в это не верю.

Хэ Цюянь проследил за его взглядом и непринужденно произвел:

— Сейчас здесь слишком мало людей, вдвоем мы его вряд ли сдвинем с места. Я даже испугался, что ты согласишься пойти. — Он пожал плечами. — Если бы ты согласился, а мы бы не смогли его крутануть, из меня вышел бы никудышный гид.

— Хэ Цюянь, — тихо позвал Шэнь Сичжоу с легкой улыбкой и неожиданно задал странный вопрос: — Как по-твоему, люди ничтожны?

Хэ Цюянь с безмятежным видом ответил:

— С чего бы им быть ничтожными.

— Почему? — тихо спросил Шэнь Сичжоу.

— Почему... — Взгляд Хэ Цюяня на мгновение затуманился. Он поднял голову и спокойно произнес: — Наверное, потому, что если стоять здесь, вокруг окажется слишком много всего незначительного, на фоне чего человек начинает казаться бессмертным.

— Даже если плоть умирает, до тех пор, пока человека помнят, он продолжает жить. Мы застываем в каком-то мгновении, и если ты хочешь, чтобы оно длилось вечно, в твоей памяти оно останется вечным.

— Вечность... — Шэнь Сичжоу усмехнулся и настойчиво продолжил: — Но если стать хоть капельку ничтожнее, разве не было бы легче?

Они стояли среди первозданной природы, окутанные клубами курящегося благовония, вдыхая

веру и слушая ветер, который звали свободой.

В такой обстановке не оставалось иных вариантов, кроме предельной искренности, не оставалось ничего, кроме как высказать всё начистоту.

Хэ Цюянь покачал головой, бросил «не знаю» и тут же спросил:

— Разве?

Шэнь Сичжоу тоже ответил «не знаю». Они медленно спускались по ступенькам, пока Шэнь Сичжоу вдруг не заговорил:

— Но муравьи, листья деревьев, маленькие камешки — кажется... — Он долго подбирал слова, но в конце концов покачал головой: — Забудь.

Хэ Цюянь неотступно шел на ступеньку ниже. Он смотрел на спину Шэнь Сичжоу, находившуюся совсем близко, пока ветер снова трепал его волосы. Хэ Цюянь поднял руку, и пряди вместе с легким дуновением скользнули сквозь его пальцы.

Хэ Цюянь произнес:

— Ты считаешь это ничтожностью? Если ты думаешь, что это так, попробуй стать чуть-чуть ничтожнее. Представь, что ты — обычный листок среди бескрайней природы, и прямо сейчас... этот листок ветер сдувает со ступеней, нужно лишь...

— Твоя попытка промыть мне мозги не удалась, — прервал его Шэнь Сичжоу. — Мне не стать листиком, потому что спускаться по лестнице и так довольно утомительно.

И они снова рассмеялись, словно мимолетная скорбь, охватившая их мгновение назад, никогда и не существовала.

Дождь под карнизом

На двадцатый день пребывания в Шангри-Ла Шэнь Сичжоу обнаружил во внутреннем дворе гостевого дома длинную галерею из красного дерева.

<http://bllate.org/book/25607/3053989>